

Ван Аньди

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОДОЁМЫ» В СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

В статье рассматриваются русские пословицы, включающие в свой состав лексемы из семантического поля «водоёмы». Устанавливается конкретный состав поля и частотность включения отдельных его членов в пословицы путём выделения тематических групп и определения их места внутри поля: ядро, центр и периферия. Показано, что интерпретация «водоёмных» компонентов в различных тематических кодах культуры позволяет описать особую роль пословиц как знака культуры — символов, эталонов, стереотипов, в основе которых лежат онтологические свойства компонентов, сопряжённые с обрядами, ритуалами, мифологическими представлениями и др. Наблюдаемые биномы в пословицах являются одним из средств выражения образности и, соответственно, важным элементом пословичного образа.

Ключевые слова: семантическое поле, водоёмы, содержательная структура пословицы, бином, код культуры.

Wang Andi

THE SEMANTIC FIELD OF “A BODY OF WATER” IN THE CONTENT STRUCTURE OF RUSSIAN PROVERBS

The article focuses on Russian proverbs which include lexemes from the semantic field signifying “a body of water”. The specific composition of the field and the frequency of its individual elements’ inclusion in proverbs are established by identifying thematic groups and determining their places within the field: core, centre and periphery. The outcomes suggest that the interpretation of “water-based” components in various thematic codes of culture serves as a means of describing the special role of proverbs as a sign of culture — symbols, standards, stereotypes, which are based on the ontological properties of components associated with rites, rituals, mythological representations, etc. The observed binomials in proverbs are one of the means of expressing imagery, and, consequently, an important element of the proverbial image.

Keywords: semantic field, a body of water, the content structure of proverbs, binomial, culture code.

Одним из принципов системной организации языкового материала в целом и лексики в частности признается семантическое поле (далее — СП), под которым понимается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [17, с. 380]. В последние годы наблюдается активное применение полевого подхода в области паремио-

логии. Данный подход способствует углубленному изучению семантической структуры пословичных единиц, системных отношений пословиц, полноте их идеографического описания. Под термином *пословица* в данной работе понимается «клише замкнутого типа с прямой и/или образной мотивировкой, со значением обобщающего и частного характера, со структурой простого и сложного предложения» [14, с. 36].

Важнейшим звеном культурной интерпретации пословицы в рамках лингвокульту-

турологического направления является соотнесение её компонентов с тематическими кодами культуры (антропный, соматический, природный, пространственный, религиозный и др.). Под *кодом культуры* понимаются «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же культурного содержания» [7, с. 170]. Таким образом, изучение содержательной структуры пословиц сквозь призму культурных кодов позволяет говорить об особой функции пословиц как знака языка и культуры — воплощать в себе символичные смыслы, эталонные и стереотипные представления, где культурные смыслы слов-компонентов получают своё подтверждение.

Актуальность исследования СП «водоёмы» в содержательной структуре русских пословиц заключается в том, что, с одной стороны, структура и состав СП «водоёмы» отражают один из важных фрагментов языковой картины мира, причём в этой картине совмещаются мифологический, религиозный, объективно-исторический взгляд человека на природу этого концепта. В. М. Мокиенко отмечает значимость единиц гидрологической тематики, понимает её как «магический кристалл», высвечивающий главные проблемы современной славянской фразеологии и паремологии, в том числе семантическую специфику гидрофразем и значимость концепта для описания славянской языковой картины мира [9, с. 7]. С другой стороны, СП «водоёмы» чрезвычайно разнообразно по значениям своих компонентов, которые используются в пословицах для описания многих сфер жизнедеятельности человека — его внешних качеств и внутренних свойств, интеллекта, поступков, поведения и т. д.

Материалом для проведённого исследования послужила картотека русских пословиц, собранная методом сплошной выборки из словаря «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой. Данный словарь представляет собой тезаурус русских пословиц, от-

ражающий их бытование в возможно полной амплитуде времени и пространства существования живого русского языка [8, с. 6]. Для выявления исследуемого поля использованы такие словари идеографического типа, как «Русский семантический словарь» под редакцией Н. Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко, «Тематический словарь русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой, В. В. Морковкина.

Анализ совокупности лексикографических источников позволил выявить иерархически организованное множество лексических единиц СП «водоёмы», включённых в состав русских пословиц. Рассмотренное СП представляет собой совокупность тематических групп (далее — ТГ), которые объединяют слова по некоторым дифференциальным по отношению к имени поля признакам, при этом основополагающей оказывается неравномерность распределения лексем внутри поля. С опорой на лексикографические источники нами были выделены следующие ТГ:

- ТГ «Целые водоёмы»
- ТГ «Части водоёмов»
- ТГ «Формы существования воды в водоёмах»
- ТГ «Деятельность человека, связанная с водоёмами»
- ТГ «Животные водоёмов»
- ТГ «Водные транспортные средства»
- ТГ «Части суши и береговые сооружения»

Достаточно показательным является степень частотности использования различных групп, а также их отдельных членов в формировании внутренней формы русских пословиц.

Так, наиболее продуктивной группой, образующей пословицы, является ТГ «Целые водоёмы», в том числе самыми частотными становятся номинации *море, река, болото, озеро, лужа* (46 пословиц). Анализ материала позволяет выявить семантические компоненты данных слов, актуализирующихся

в содержании пословиц. Это такие компоненты, как «размер», «глубина», «текучесть», «скорость», «изменчивость/постоянство», на которых основано значение целого ряда пословиц.

Пословицы *Моря не перегородишь; В море воды довольно; Высохло море, а всё не луже брат; Море не высохнет, народ не заблудится; Не наполним моря слезами, не утешим супостата печалью* [8, с. 552–554]; *И большой реке слава до моря; Большая река начинается с ручейка; Река с ручья начинается, а пьянство — с рюмочки; Даже к большой реке ведут маленькие ручейки* [8, с. 752] базируются на признаках «большая площадь и глубина» моря и реки, которые символизируют огромность, максимальность, большое количество, обилие чего-либо по сравнению с чем-либо маленьким. Так, будучи не только природно-ландшафтным кодом культуры, но и в значительной степени пространственным кодом, компоненты *море* и *река* являются своего рода мерой, эталоном в описании пространственного и количественного максимума.

Подобное представление об образе-этало-не *море* отражается также в пословицах *Море песком не засыплешь; Море веслом не расплещешь; Ковшом море не вычерпаешь* [8, с. 553], где образ моря представлен как безграничное неиссякаемое водное пространство, которое нельзя покорить, действуя примитивными способами, где актуализируется идея невозможности, безрезультатности.

Море — водная стихия с непредсказуемым состоянием. Данный признак моря представлен, например, в таких пословицах, как *Море — измена лютая; Сидеть у моря и ждать погоды; Не верь морю, а верь кораблю; Когда море мать, а когда — мачеха; На свете, как на море — колыбается* [8, с. 552]. В приведённых примерах встречаются бинарные оппозиции *море — корабль, мать — мачеха, море — свет*. Они представляют собой результат наблюдений за смежностью денотатов в реальной жизни. Так, признак непредсказуемости, изменчивости

моря ассоциируется с натурой мачехи и колеблющимся светом, а спокойствие моря — с матерью, что-л. управляемое ассоциируется с кораблём.

Природные водоёмы (*море, река, болото, озеро, лужа*) представляют собой амбивалентный символ, который соответствует как созидательной, так и разрушительной силе природы. С одной стороны, они означают плодородие, движение и очищение, а с другой — препятствие, опасность, беду.

Это объясняется тем, что, во-первых, водоём ассоциируется с трудностью и опасностью, такая связь оформилась благодаря наблюдениям за окружающей человека жизнью: опасны разливы большой, полной воды, несущей значительные разрушения, трудно переплыть водоём с большой площадью и глубиной, о чём свидетельствуют пословицы *И хочется за реку, да стоишь на берегу; Нельзя войти в реку и не замочить ноги; Переплыв реку, не спрашивают о переправе; Тихая река берега подмывает* [8, с. 752]; *Переплыл море, да в луже утонул; Море переплыть — не поле перейти; В море искупаться — не в чашке хлебальной; Тихо море, пока на берегу стоишь; У самого берега и море не страшно; Море любой камешек обточит; Кто в море не бывал, тот и страху (горя) не видал; С моря жди горя, а от воды — беды* [8, с. 552–554]. Встречаются единичные пословицы, приписывающие ситуации невысокую степень опасности моря и реки: *И в море, что в поле: не столько смертей, сколько страстей; Не море корабли топят, а ветер; Не море топят — а лужа; Море красно со стороны* [8, с. 552–553]; *И через большую реку можно построить мост* [8, с. 752].

Во-вторых, фольклорное осмысление водоёма как среды, населённой нечистой силой и потому тёмной, опасной, сакральной, отразилось в пословицах *В тихом озере черти водятся; В одном озере все черти водятся; В озере два чёрта не живут* [8, с. 622]; *В тихом болоте черти водятся; В своём болоте вольно чёрту орать; Гнилого болота*

и чёрт боится; *В болоте не без чёрта* [8, с. 83]. В данных пословицах компоненты *озеро* и *болото* выступают в значении ‘внешне спокойные водоёмы, имеющие большую глубину и таящие опасность в виде злых духов’, усиливаемом компонентом ‘тихий’. Отсюда переносное негативное значение слова *болото* — ‘общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности’ [10, с. 55].

В-третьих, связь водоёма с отрицательным началом (горем, смертью, бедой) подтверждается мифологическими представлениями, согласно которым море служит дорогой на тот свет [5, с. 115], а река — граница между жизнью и смертью. Например, *И за рекой люди живут; Живет за рекой, а к нам ни ногой* [8, с. 752]; *Ты от горя за реку, а горе тебя ждёт и на берегу* [8, с. 203]; *За морем либо много добудешь, либо домой не будешь* [8, с. 554]. Гидрокомпоненты этих пословиц соотносятся с пространственным кодом культуры, в знаках которого получило воплощение древнейшее архетипическое представление о «своём/чужом» пространстве.

Паремии из ТГ «Части водоёмов» (37 пословиц) включают лексемы, которые разделяются на несколько подгрупп по ряду дифференциальных признаков:

1) «Начало водоёма (обычно реки)»: осмысление лексемы *исток* как ‘начало, первоисточник чего-л.’ реализуется в пословице *Если чист исток, чист и поток* [8, с. 392], подчёркивающей тесную связь между начальным (*исток*) и дальнейшим (*поток*) делами.

2) «Углубление, по которому течёт водоём»: слово *русло* имеет прямое значение ‘углубление в грунте, по которому течёт водный поток’ и переносное — ‘направление, путь развития чего-н.’ [10, с. 688], которое лежит в основе внутренней формы пословицы *Куда потекла река, там и русло будет; Куда река пошла, там и русло будет; Река и та меняет русло* [8, с. 752].

3) «Глубокое место под водоёмом»: в данную группу входят лексемы *дно* (‘грунт под

водой водоёма, реки, моря’), *глубина* (‘место на дне водоёма, большого углубления’), *омут* (‘глубокая яма на дне реки, озера’), *вир* (‘глубокое место в реке или озере’). На основе свойств этих номинаций актуализируется значение ряда пословиц.

Дно глубокого водоёма воспринимается как образ опасности, так что оно символизирует утопление, даже и смерть, предел, о чём свидетельствуют пословицы *Глубже дна не потонешь; Когда не видишь дна, не ходи через воду; Лихо до дна, а там дорога одна; Не держись за одну — пойдёшь ко дну; Мелко плавать — дно задевать* [8, с. 276–277]. Поскольку дно представляет собой самое нижнее и глубокое место в водоёме, оно также ассоциируется со средой деклассированных, опустившихся людей: *На дне — гуще; Опустись на дно — прилипнешь, пройдет год — привыкнешь* [8, с. 277].

Пословицы с компонентом *глубина* образованы на основе разных метафор. Исследователи отмечают, что «водные глубины символизируют неизведанное, опасное пространство, которое может поглотить, скрыть что-либо или кого-либо» [15, с. 292–293]. Так, пословица *В море глубины, а в людях правды не изведаеть* [8, с. 552] построена на основе метафоры *правда подобна глубине моря*, которую трудно увидеть и измерить. В пословице *Рыба ищет глыбины, человек — лепшины* (глыбина — глубина; лепшина — что-л. хорошее; высокое качество предмета) [8, с. 776] образ глубины представлен как естественное стремление к лучшему и т. д.

По народным поверьям, омут, как болото и озеро, — это место, где водятся злые духи. Отсюда пословицы *В тихом омуте черти водятся; Был бы омут, а черти будут; В тихих омурах черти в хомурах* [8, с. 626] используются как предупреждение о возможных неприятностях, которые может доставить человек, представляющийся безукоризненным в своих речах и действиях, как совет не доверять лишь внешним проявлениям природы — смиренности, благовоспи-

танности, скромности. В некоторых пословицах с компонентом *омут* подчёркивается таящаяся для человека опасность: *Сам смекай, где омут, где край; Из омута в ад — рукой подать; В тихом омуте вода глубокая; Тихие омуты глубоки* [там же].

Вир — слово редкое, обозначающее омут и водоворот, ямину под водой с родниками или с коловоротом быстрого течения [4, с. 210]. В пословицах вир нередко символизирует опасное место, откуда не возвратиться. Например, *В вир — как в мир: что кинешь — не воротишь; Свой — не чужой: над виром потрясёт, да в вир не бросит; Был бы мир, а там хоть головой в вир; В тихой воде вир великой; По морю плыл, да попал в вир* [8, с. 127, 130, 540, 554].

4) «Мелкое место в водоёме»: чаще всего в составе русских пословиц участвуют такие слова, как *мель* (мелководное место в реке, водоёме), *брод* (мелкое место в реке, озере, удобное для перехода), *перекат* (мелководный участок в русле равнинной реки), *переправа* (место, где переправляются на другой берег на плавучих средствах).

В пословицах *Лучше десять раз повертись, чем один на мель сесть* [8, с. 744]; *Либо рыбку съест, либо на мель сесть; Хочется рыбку съест, да не хочется на мель сесть* [8, с. 778]; *Плыл, плыл корабль, да наткнулся на мель* [8, с. 434] слово *мель* выступает в значении ‘крайне затруднительное, тяжёлое положение’.

Брод — это мелкое место на реке, где её можно перейти. Однако надо точно знать, где он расположен, а то очень быстро угодишь в яму, в глубокое место. В этой связи без достаточных знаний и опыта не следует предпринимать что-либо, так как из-за своей неосведомлённости можно потерпеть неудачу или даже попасть в беду. Об этом свидетельствуют пословицы *Не зная (не изведавши, не испытав) броду, не суйся (не лезь) в воду; Не отведав броду, по уши в воду; Сунулся в брод по самый рот* [8, с. 132]. В пословицах *У моря нет брода* [8, с. 552]; *В огне броду нет* [8, с. 619]; *Дурень возле моста ищет*

брод; У синих вод — брод, у тёмного леса — тропинка; Трои ворота в воду, а ни в одни нет ходу (броду) [8, с. 157] компонент *брод* осмысливается как надёжный путь к чему-л., возможность осуществить что-л.

В пословице *Коней (коня) на переправе не меняют* [8, с. 426] компонент *переправа* выступает в значении ‘последний, решающий момент’. Пословица является афоризмом американского президента Авраама Линкольна и широко распространилась в современной русской литературе и СМИ.

К ТГ «Формы существования воды в водоёмах» относятся такие слова, входящие в состав паремий, как *капля (капелька), течение, течь, поток, волна, вал, буря, наводнение, потоп* (31 пословица). Эти лексемы можно считать коррелятами СП «водоёмы», обозначающими разные формы существования и состояния воды в водном пространстве, что отражает их опосредованное отношение к имени поля.

Пословицы *По капле [и] море собирается; Капля в море не заметна; Капля за каплей — получается озеро, без единой капли — пустыня; По капельке — море, по былинке — стог, по зёрнышку — ворох* [8, с. 399–400] образованы на основе символики *капли (капельки)* как ничтожно малой, но значимой и *моря* как крупной величины чего-либо. Подобная символика также наблюдается в пословице *Небольшая течь может погубить большой корабль* [8, с. 905], где компоненты *течь* и *корабль* реализуют контраст слабого, но постоянного, и сильного.

Пословицы *Расходится волна, так не вдруг отстоится; По волне и море знать; Видя волну, на море не ездят; Молния гремит стрелами, а море дышит волнами; Беда за бедой, как волна за волной; Катит беда что девятая волна; Девятая волна добывает; Девятый вал опасен; Девятый вал роковой* [8, с. 39–40, 104, 143, 545] базируются на ассоциации морской волны и вала с грозной опасностью и бедой. Выражение *девятый вал* возникло в результате метафоризации

словосочетания с конкретным значением ‘самая сильная, опасная волна во время бури’, символизируя наиболее бурное, сильное проявление чего-л. грозного, вершину каких-л. достижений творческой мысли или деятельности человека. В основе создания пословиц *Людская молва что морская волна; Мирская молва что морская волна; Волна по морю, молва по людям; Молва что волна: её не остановишь; Молва что волна: расходится — шумно, а утихнет — нет ничего; Народ — волна: пошумит и перестанет; Мир — волна: что один, то и все* [8, с. 143, 538, 544, 581] лежит метафорическое сходство волны и молвы, слуха, которые быстро распространяются между людьми.

Опасными представляются и другие формы состояния воды в водоёмах: *После бури наступает затишье; Благо плывучи, помни бурю; Жизнь что море: то штиль, то буря; Затишье всегда перед бурей; Кто посеет ветер, пожнёт бурю; После нас хоть потоп; В море потоп, в пустынях звери, а в мире беды да напасти; Кобыле брод, (а) курице — потоп; Для муравья и роса наводнение* [8, с. 415, 552, 707]. Здесь пословицы с компонентом *потоп* восходят к библейской легенде о наводнении, затопившем всю землю в наказание за грехи людей.

Достаточно регулярно пословицы включают члены двух подгрупп ТГ «Деятельность человека, связанная с водоёмами» (47 пословиц) — «Лица, деятельность которых связана с водоёмами» (ср.: *рыбак, рыболов,ловец, матрос, моряк, бурлак*) и «Характерные действия, связанные с водоёмами» (ср.: *ловить, плавать, плыть, переплыть, нырять, тонуть, утонуть*). Лексемы данной ТГ вступают в имплицитные отношения с понятием «водоём»: субъект деятельности — место осуществления деятельности.

Наиболее частотными в составе паремии являются лексемы *рыбак, рыболов, ловец, матрос, моряк, бурлак*. В основном пословицы с данными компонентами показывают отношение русского народа к рыболовству и мореплаванию, а также жизненные наблю-

дения, опыты рыбаков и моряков. Например, профессию рыбака и моряка характеризуют как тревожную, опасную, о чём свидетельствуют пословицы *Кто утонул, тот рыболлов; Ловцы да пловцы дома не бывают; Ловцы рыбные — люди (людцы) гиблые; Матрос рыбаку брат: их море просолило; Солдату умереть в поле, матросу — в море; Солдат бьёт врага в поле, а моряк — в море* [8, с. 489, 777, 778, 850, 851]. В некоторых пословицах отражены упорство, смелость и трудолюбие рыбака, например: *Рыбак души не морит: рыбы нет — так щи варит; У рыбака рубаха грязна, да уха янтарна; Рыбаку дождь не поуха; Болтун виден по слову, а рыбак — по улову* [8, с. 777]. Главное богатство рыбака — его сеть, от которой зависит результат улова и, соответственно, уровень жизни рыбака: *Рыбака сеть кормит; Рыбака [одна] тоня кормит; Рыбак-то рыбак, да без невода-то как [там же]*. В большинстве случаев рыболовство — это коллективный труд: *Один в море не рыбак, а без артели не моряк, а пословицы Рыбак рыбака видит (чувет, слышит) издалека; Рыбак рыбака далеко в плесе (в плёсе) видит* [8, с. 777] характеризуют отношения между людьми, означая ‘люди, имеющие сходство характеров или интересов, быстро сближаются, хорошо понимают друг друга’.

И адмиралы службу матросами начинали, так что народ предупреждал: *Умей быть матросом, чтобы стать адмиралом* [8, с. 520]. У моряка привычка побеждать, что проявляется в пословицах: *Всякий солдат хочет быть генералом, а матрос — адмиралом; Моряки зря не любят рассуждать — у них привычка побеждать* [8, с. 555, 851].

Бурлак — наёмный рабочий в России XVI — начала XX века, который, идя по берегу, тянул при помощи бечевы речное судно против течения. Несмотря на то, что такая профессия давно ушла в историю, народная память о ней сохранилась. Так, бурлаками называли выходцев из самых беднейших слоев населения. Как правило, бурлацкий труд не вызывал уважения и считался

вынужденным способом заработка, что отражается в пословицах путём уподобления бурлака сироте и животному: *Бурлак что сиротка: когда белая рубашка, тогда и праздник; Собака, не тронь бурлака: бурлак сам собака; Кобылу в хомут, бурлака в ляжку* [8, с. 100]. Труд бурлака был крайне тяжёлым и монотонным, а оплата труда — низкой, так что эта работа стала делом безродных нищих и часто бездомных, свободных от многих социальных обязательств и лишённых многих благ жизни: *Дома бурлаки — бараны, а на плесу — буяны; Хлеб да вода — бурлацкая еда; Запасливый гость без ложки не ходит, а бурлак её на шляпе носит; Надсадно бурлаку — надсадно и ляжке; Дождь — мужику рожь, а бурлаку — вошь* [там же]. В некоторых пословицах проявляется отношение бурлака к деньгам: *Бурлак на час денежку пасёт; Бурлаку задатки лакомы: кто больше задаст, к тому и идёт* [8, с. 100].

Как показывает анализ внутренней формы пословиц, любые действия, связанные с водоёмами, всегда сопряжены с опасностью, препятствием и трудностью. Об этом свидетельствуют такие пословицы, как *Рыбу ловить — при смерти ходить; Ныряй, да не глубоко; Плавать по реке в Божьей руке; Водю плыть, осторожливу быть, а морем — с горем; Морем плыть — вперёд глядеть; Море переплыть — не поле перейти; Лучшие плыть [через] пучину, нежели терпеть злую кручину* [8, с. 131, 552, 554, 609, 735, 752, 777]. Это особенно ярко проявляется в пословицах с компонентами *тонуть, утонуть*, например: *И сам тонет, и других топит; Тонуть, так в море, а не в поганой луже; Не ищи моря — и в луже утонешь; Пришло горе, взволновалось море: люди тонут, а (и) нас туда же гонят* [8, с. 202, 554, 909]. В ряде пословиц характеризуется ситуация, когда человек, попавший в беду, готов отдать всё за своё спасение, но когда беда миновала, он пересматривает своё мнение и считает, что его спасение не стоит так дорого: *Как тонет — топор сулит, а выта-*

щат (вытащишь, вытащил) — то и топорщица жаль (не даст, не даёт); Кто тонет, и за соломинку хватается; Кто тонет — ухватится и за острый меч; Кто тонет — и за бритву хватается [8, с. 95, 533, 855, 910].

Паремии, в состав которых входят лексемы подгруппы «Характерные действия, связанные с водоёмами», также описывают деятельность человека, в том числе неудачный результат — *Рыбу ловят, а мух варят* [8, с. 777]; профессиональные навыки и качество — *Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду; Нырять он умеет, только выныривать не умеет* [8, с. 132, 609].

Анализ материала показывает, что в русских пословицах чаще всего встречаются следующие зоонимы, входящие в ТГ «Животные водоёмов» (27 пословиц):

1) млекопитающие (ср.: *бобр*). Например: *Не убить бобра — не видать добра* [8, с. 57];

2) птицы (ср.: *лебедь, утка, гусь, кулик*). Например: *Белый лебедь серому гусю не товарищ; Лебедь по поднебесью, мотылёк над землей (чуть) — всякому свой путь; Гусь свинье не товарищ; Где утка — там и мутка; Всякий кулик своё болото хвалит; Каждый кулик в (на) своём болоте велик* [8, с. 231, 459, 474, 937];

3) рыбы, членистоногие (ср.: *рыба, ёрш, сом, щука, карась, сельдь, рак*). Например: *Дешева рыба на чужом блюде; И хочется рыбку съесть, да не хочется в воду; Не забраться рыбе на дерево; Мал ёрш, да колюч; На то и щука в речке, чтоб карась не дремал; В чём к обедне, в том и по сельди; Курица не птица, а рак не рыба* [8, с. 329, 611, 776–779, 1009];

4) земноводные, пресмыкающиеся (ср.: *лягушка, жаба, черепаха*). Например: *Как ни дуйся лягушка, а до вола далеко; Жаба гласом устрашает льва; Черепаха зайцу не товарищ (не попутчик)* [8, с. 332, 511, 987].

Показательно, что самыми частотными и, следовательно, значимыми для языковой картины мира являются общевидовое на-

звание *рыба* и её разновидности. Это обусловлено тем, что именно рыболовство является издавна основным промыслом русского народа, в частности населения Русского Севера, для которого рыба считалась вторым хлебом. Особое отношение к рыбной ловле проявляется не только в существовании в народном языке ихтиологической и рыболовецкой лексики, но и в наличии связанных образных выражений, сравнений, поговорок (см.: Е. А. Березовская [1], М. С. Крапивина [6]).

Компоненты-зоонимы пословиц данной ТГ соотносятся с зооморфным кодом культуры, при этом они имеют свои символические смыслы (холодна как рыба, красный как рак, колючий как ёрш, хитрый как щука и т. д.), что отражает способность народа сопоставлять и отождествлять предметы и находить этому яркие образные словесные воплощения.

Следует отметить, что в составе большинства вышеперечисленных пословиц отсутствуют водоёмы, но они связаны либо с деятельностью человека на водоёмах (например, рыбная ловля), либо с повадками и характером животных, обитающих в водоёмах (возле водоёмов), то есть идея «водоём» здесь опосредованно присутствует. Таким образом, семантический компонент «водоём» в большей или меньшей степени проявляется в паремиях с компонентами-зоонимами, без которых исследуемое СП не может быть структурировано [3, с. 114–115].

ТГ «Водные транспортные средства» представлена в относительно небольшой группе пословиц (28 пословиц). Достаточно регулярно в составе пословиц используются члены двух подгрупп: «Названия водных транспортных средств» и «Части водных транспортных средств».

Как средство передвижения корабль символизирует путешествия и путь, например жизненный, на котором нередко встречаются препятствия и трудности: *Живучи в горе, что корабль (кораблю) в море; Плыл, плыл корабль, да наткнулся на мель; Пущен*

корабль на воду, сдан Богу на руки; Не верь морю, а верь кораблю; Большому кораблю — большое [и] плавание [8, с. 434]. В некоторых пословицах с образом корабля связано богатство, достояние, например: *Богатому жаль корабля, [а] убогому — кошеля; Убогому жаль лотка, что богатому корабля; У богатого груз в корабле, [а] у бедного — хлеб на уме [8, с. 227, 434].* По сравнению с кораблем, чёлн и ладья намного меньше по размеру, так что они представляются как что-л. незначительное, ненадёжное (*Чёлном моря не переехать; Лучше в уютной ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить; За ладью хватайся, а Богу конайся [8, с. 471, 981]*), а также что-л. неподвижное (*Юность на всех парусах, старость — с гребком на челне [8, с. 1010]*).

В подгруппе «Части водных транспортных средств» выделены такие слова, входящие в состав пословиц, как *парус, якорь, весло, снасть, сеть*. Например, в пословицах *Парус ветра не учит; Паруса да снасти не в нашей власти [8, с. 642]* компонент *парус* выступает в значении 'что-л. непостоянное, изменчивое'. Образ якоря нередко связан с признаками устойчивости, стабильности, а также соотносится со спасением, безопасностью. Например: *На двух якорях корабль крепче держится; Лодка плавает не плавает, а (да) всё одно на якорь станет; Сколько ладье не рыскать, да у якоря быть [8, с. 471, 489].* Компонент *весло* в пословицах *Если вёсла в надёжных руках — шторм не страшен; По суху с посохом, по морю с веслом [8, с. 116, 704, 753]* символизирует движение и управление — основные функции весла, а в пословицах *Не худое ремесло, кто делает и весло; У рыбака весло одно ремесло (рукомясло), да и то сломано [8, с. 753, 777]* компонент *весло* обозначает рыболовство. Пословицы с компонентами *снасть* и *сеть* в основном описывают их роль и значимость в работе рыбака. Например: *Без снасти и блоху не поймать; Какие снасти, таков и мастер; Не припася снасти, не жди сласти;*

Худой снасти не достать сласти; Худая снасть [и] отдохнуть не даст; Кто снастью владеет — любую рыбу одолеет; И сеть да весло — тоже ремесло; Рыбака сеть кормит [8, с. 777, 806, 837–838].

С меньшей частотностью в русских пословицах фиксируются слова из ТГ «Части суши и береговые сооружения». К данной группе относятся лексемы *остров, берег, буй, мост, маяк* (13 пословиц). Например: *Остров в море, а сердце в горе; Остров окружила вода, а нас беда; На острове сидеть — погоды ждать; Берег с берегом не сходится, а человек с человеком всегда сойдётся; Чей берег, того и рыба; От [одного] берега отстал, а к другому не пристал; У самого берега и море не страшно; На берегу плавать не научишься; Не уговорившись на берегу, не ездят за реку; Без буя якоря не метать; Передний заднему мост; Даёшь маяк — условный знак; Маяк моряку, что тропа ходоку* [8, с. 49, 523, 557, 630].

Итак, наше исследование позволяет сделать следующие выводы.

Лексемы из СП «Водоёмы» активно используются в содержательной структуре русских пословиц, причём конкретный состав поля и частотность включения отдельных его членов в пословицы отражают значимые для русской языковой картины мира особенности. **Ядро** рассмотренного поля составляет ТГ «Целые водоёмы» (*море, река, болото, озеро, ручей, лужа*), **околоядерную** зону — ТГ «Части водоёмов» (*исток, русло, дно, омут, мель, пережат* и др.) и ТГ «Формы существования воды в водоёмах» (*капля, течение, волна, вал, потоп* и др.), **ближнюю периферию** — ТГ «Деятельность человека, связанная с водоёмами» (*рыбак, ловец, моряк, матрос, бурлак; ловить, плавать, переплыть, тонуть* и др.) и ТГ «Животные водоёмов» (*рыба, щука, бобр, лебедь, утка* и др.), **дальнюю периферию** — ТГ «Водные транспортные средства» (*корабль, чёлн, ладья, парус* и др.) и «Части суши и береговые сооружения» (*берег, остров, мост, маяк* и др.).

Положение ядра, центра, периферии отдельных ТГ в составе пословиц проявляется не только в количестве их членов, но и в степени активности в процессе идиоматизации различных подгрупп, а также в степени разнообразия лексики, фиксируемой в пословицах.

Наиболее регулярным способом формирования значений русских пословиц является метафорическое и символическое расширение конкретной ситуации, отраженной в их внутренней форме. Лексемы из СП «Водоёмы» выступают в этом процессе как образ пословиц (тропеическое основание внутренней формы), который является «проводником» в пространство культуры. Иными словами, в образ вовлекаются те или иные реалии, которые уже награждены культурными смыслами [7, с. 146–147]. По мнению В. Н. Телия, «система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения... данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [16, с. 215].

В частности, в русских пословицах для передачи мировосприятия народа, его ценностных ориентиров наиболее широко используются наименования целых водоёмов (*море, река, болото, озеро, ручей, лужа*). Данные слова входят в образ пословиц не как наименования природных существностей, но как имена водных стихий, издавна являвшихся определёнными символами, эталонами и стереотипами, в основе которых лежат онтологические свойства водоёмов, сопряжённые с обрядами, ритуалами, мифологическими верованиями и др. Концептуальная значимость данных слов также проявляется в том, что их семантика в контексте пословиц характеризуется амбивалентностью, т. е. наблюдается актуализация эмоционально-оценочных коннотативных элементов положительной или отрицательной направленности, например: горе — радость, опасность — безопасность (ср: *Море*

любой камешек обточит; Море красно со стороны) и т. п.

Следует отметить, что в анализируемых пословицах обнаруживаются бинарные оппозиции, которые являются одним из средств выражения образности. Это такие биномы, как *море — горе, море — поле, море — лужа, река — берег, река — рыба, вода — беда, волна — беда, волна — молва, пучина — кру-*

чина, ремесло — весло и т. д. Данные биномы позволяют увидеть, каковы образно-конкретные формы выражения различных жизненных наблюдений, традиционных представлений, философских обобщений, каковы наиболее важные для носителей языка явления и отразившиеся в поговорках их связи и ассоциации во внеязыковом пространстве [13, с. 555].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березовская Е. А. Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 220 с.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
3. Ван Аньди. Фразеологизмы и поговорки с компонентом-зоонимом в лексико-семантическом поле «водоёмы» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 191. С. 109–116.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. М.: Наука, 1965. 246 с.
6. Крапивина М. С. Лексико-семантическое поле «Рыболовство» в донских казачьих говорах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 252 с.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
8. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
9. Мокиенко В. М. Вода как фразеологическая субстанция // «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии: коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Будапешт: Тинта, 2013. С. 7–21.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
11. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именуемые: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2002. 807 с.
12. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / ред. В. В. Морковкин. М.: Рус. яз., 2000. 560 с.
13. Селиверстова Е. И. Вода и водоём в русской паремиологии: бинарные отношения // «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии: в 2 т. Будапешт: Тинта, 2013. С. 554–560.
14. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд. М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. 296 с.
15. Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., Красных В. В., Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.
16. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 688 с.

REFERENCES

1. *Berezovskaya E. A. Ihtiologicheskaya leksika v govorah Russkogo Severa: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2006. 220 s.*
2. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / red. L. G. Babenko. M.: AST-PRESS KNIGA, 2005.*

3. *Van An'di*. Frazeologizmy i paremii s komponentom-zoonimom v leksiko-semanticheskom pole "vodoyomy" // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2019. № 191. S. 109–116.
4. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. M.: Rus. yaz., 1998.
5. *Ivanov V. V., Toporov V. N.* Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy: Drevnij period. M.: Nauka, 1965. 246 s.
6. *Krapivina M. S.* Leksiko-semanticheskoe pole «Rybolovstvo» v donskih kazach'ih govorah: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012. 252 s.
7. *Kovshova M. L.* Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. 3-e izd. M.: LENAND, 2016. 456 s.
8. *Mokienko V. M.* Bol'shoj slovar' russkih poslovic / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina, E. K. Nikolaeva. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010.
9. *Mokienko V. M.* Voda kak frazeologicheskaya substanciya // «Voda» v slavyanskoj frazeologii i paremiologii: kollektivnaya monografiya: v 2 t. T. 1. Budapesht: Tinta, 2013. S. 7–21.
10. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. M.: OOO «A TEMP», 2006. 944 s.
11. *Russkij semanticheskij slovar': Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij. T. 1: Slova ukazuyushchie (mestoimeniya). Slova imenuyushchie: imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlya. Kosmos) / red. N. Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2002. 807 s.*
12. *Sayahova L. G., Hasanova D. M., Morkovkin V. V.* Tematicheskij slovar' russkogo yazyka / red. V. V. Morkovkin. M.: Rus. yaz., 2000. 560 s.
13. *Seliverstova E. I.* Voda i vodoyom v russkoj paremiologii: binarnye otnosheniya // «Voda» v slavyanskoj frazeologii i paremiologii: v 2 t. Budapesht: Tinta, 2013. S. 554–560.
14. *Seliverstova E. I.* Prostranstvo russkoj poslovice: postoyanstvo i izmenchivost'. 2-e izd. M.: FLINTA; Nauka, 2017. 296 s.
15. *Brileva I. S., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Zyкова I. V., Kabakova S. V., Kovshova M. L., Krasnyh V. V., Teliya V. N.* Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. M.: AST-PRESS KNIGA, 2009. 784 s.
16. *Teliya V. N.* Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 s.
17. *Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Yarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1998. 688 s.*